

Н.А. Тадина

ФГБОУ ВО Горно-Алтайский государственный университет
ул. Ленкина, 1, Горно-Алтайск, 649000
E-mail: ntadina@yandex.ru

ОТ РОДОВЫХ «КАМНЕЙ» АЛТАЙЦЕВ ДО ПАМЯТНЫХ ЗНАКОВ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ

На основе полевого материала, собранного с помощью этнографических методов наблюдения и беседы с информантами из южных алтайцев — групп теленгитов и алтай-кижи, показана связь новой традиции установки родовых «камней» у алтай-кижи, продолженной в практике водружения стел в честь родовых лидеров прошлого у теленгитов, и памятных знаков основателям Республики Алтай. Выявлено значение в этом многоуровневой идентификации алтайцев — родовой, территориальной, этнической. Освещена маркировка родовой территории и символика родства по сёоку посредством родовых камней-знаков. Определено, что инициаторами возрождения и образования новых традиций становятся представители старшего поколения как носители памяти о старине, избранные зайсану и Совет зайсанат, решающие вопросы охраны священных мест алтайцев не только с сельской и районной администрацией, но и со структурами региональной власти.

Ключевые слова: алтайцы, республика, сёок-род, зайсанат, родовые каменные знаки, родовое сознание, образ.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-42-3-142-150

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ-ГН и Министерства образования и науки Республики Алтай, проект № 17-11-04004а(р) — «Пути возрожденного зайсаната: от родовых “камней” алтайцев до памятных знаков Республики Алтай в свете потестарной имагологии».

Введение

В постсоветский период у алтайцев сложилась традиция проведения встречи представителей сёока-рода, называемой родовым праздником (*сёоктин-байрамы*). Первые такие мероприятия сёоков иркит, майман, тодош (1988–1991 г.) прошли в двух из десяти районов Республики Алтай — Онгудайском и Усть-Канском, а именно на родовых территориях и в местах проживания большинства представителей сёоков-родов, в окрестности моноэтнических алтайских сел. На таких собраниях на протяжении последних трех десятилетий сородичи избирают родового главу, называемого зайсан (*жайсан*). Этот термин остался от ойротского периода (XVII — середина XVIII в.), когда предки алтайцев входили в состав Джунгарского ханства, и неслучайно он воспринимается как знак исторического прошлого. Почти до родового собрания сёока кыпчак, состоявшегося в 1991 г. в Онгудайском р-не, избранного главу не осмеливались назвать словом «зайсан», что вызывало настороженность по меркам ещё незабытой советской идеологии. Период возрождения оказался на перекрестке трех времен: старого — советского — нового. С одной стороны, влияние советского времени давало о себе знать — в возрождении этнической культуры виделось возвращение «перехитков», а с другой — возрождающееся «старинное» составляло содержание нового времени.

Накоплен опыт возрождения зайсаната, роли его потестарной власти в этнической жизни алтайцев. В 1997 г., после образования общественной организации «Курултай алтайского народа», был основан Совет зайсанов с целью воссоздания института родовых старшин, называемого зайсанатом. Сегодня в него входят 15 зайсанов многочисленных сёоков, расселенных в нескольких районах Республики Алтай. Сведения о численности и расселения сёоков были собраны С.П. Швецовым еще в конце XIX в. [Швецов, 1900, с. 91, 93]. К родам, избравшим современных зайсанов, относятся кыпчак, майман, телёс, иркит, тодош, чапты, тонжаан, мундус и др. В 2006 г., в год 250-летия вхождения алтайцев в состав России, зайсанат включал 12 зайсанов, что вызвало параллели с легендарными 12 зайсанами, подписавшими договор в 1756 г. о включении алтайцев в состав Российского государства. Исследователи рассматривают современный зайсанат как составную часть процессов развития межнационального сообщества Рес-

публики Алтай [Октябрьская, 1997], символизации родового движения [Самушкина, 2006], политизации этничности [Бабич, 2006]. Горно-Алтайскими этнографами освещены социальные причины, пробудившие к жизни в современном обществе зайсанат как институт традиционной культуры [Кыдыева, 2006; Тадина, 2009; Тюхтенева, 1999; Ябыштаев, 2013].

Цель данного исследования состоит в освещении возрожденной традиции алтайцев устанавливать родовые каменные стелы и определении роли зайсаната в практиках актуализации этнического сознания. Новизна изучаемой проблемы выражается в предпринятой попытке выявления связи родовых «камней» алтай-кижи, установленных по инициативе современных зайсанов, и памятных знаков родоначальникам и зайсанам прошлого, воздвигаемых у теленгитов. Актуальность темы заключается в определении трансформации понимания лидера у алтайцев, на примере практики меморизации опыта объединения алтайских народов и установления в г. Горно-Алтайске памятников Г.И. Гуркину и В.И. Чаптынову, один из которых выдвинул, а второй реализовал идею образования республики.

Основным источником исследования проблемы служит полевой этнографический материал, собранный у южных алтайцев — этнотерриториальных групп теленгитов и алтай-кижи. С целью плодотворного сбора сведений на родовых собраниях использованы методы включенного наблюдения и беседа с информантами. Среди них первые зайсаны сёоков-родов: майман — А.К. Бардин, иркит — А.А. Сельбиков, кыпчак — К.Д. Шлыков, сегодняшний зайсан иркитов В.Д. Кудирмеков. Введен в практику апробированный нами метод сбора материала на языке изучаемого этноса, т.е. на алтайском языке, так как обсуждать проблемы, имеющие родовой контекст, информаторы предпочитают на родном языке.

Родовые «камни» как маркеры родовой территории алтайцев

Родовая территория обозначена родовой горой. Под этим определением следует понимать не только высокую гору, а высокогорную тайгу с истоком реки, простирающуюся на близлежащие гряды гор. Данные о родовой горе, ее названии и месте расположения остаются в родовом сознании представителей сёока, проживающих порою вдали от своих родовых мест. О ней сложены легенды, повествующие, как в историческом прошлом родовая гора стала убежищем, «кормилицей», территорией исхода конкретного сёока: «...мотивами для почитания гор отдельными сёоками была война, во время которой члены рода искали спасения на горе» [Токарев, 1947, с. 152]. Сохраняются сведения, где спасался тот или иной сёок. В фольклорных текстах, таких как родовые присказки, воспето верховье р. Чемал, укрывавшее сёок-род майман [Тадина, 2013, с. 49–50].

Почитание родовой горы выражается через традиции почитания Алтая и персонификации его природы. Природа Алтая священна, она кормит и поит человека, поэтому обладает следующими признаками — почитаема, одушевлена и имеет хозяина. До сих пор по отношению к родовой горе соблюдаются нормы табу — на нее не поднимаются, через нее не прокладывают дорогу и она остается в стороне от трассы, видимая на далеком расстоянии. Сведения о почитаемых горах, называемых *ы́йык*, сохранялись в родовом сознании алтайцев еще в начале прошлого столетия [Анохин, 1924, с. 16]. Родовой горе (или тайге) поклонялись как покровителю и родоначальнику. Неслучайно замужние женщины, соблюдая обычай избегания старших мужских родственников мужа, вплоть до середины прошлого века не появлялись с непокрытой головой вблизи родовой горы сёока мужа, тем более не поднимались на нее [Потапов, 1946, с. 10–11].

Известны четыре родовых «камня» многочисленных сёоков-родов, установленные в первой половине 1990-х гг. на месте проведения родовых встреч. Два из них находятся в долине р. Каракол (Онгудайский р-н) — в одном из мест расселения сёоков майман и тодош. Два других маркируют гору кыпчаков Тоотой и гору тёлёсов Тумечин в долине р. Урсул (Онгудайский р-н). Судя по надписям на родовых «камнях», первым установил камень сёок майман в июле 1990 г. в местечке Текпенек, между селами Боочы и Кулады. Вторыми стали кыпчаки в 1991 г., а через год — тёлёсы: их родовые места в окрестности с. Ело. Затем, в июле 1996 г., появился родовой «камень» тодошей у с. Бичикту-Боом. У группы алтай-кижи этих долин практикуется установление каменных стел по инициативе представителей старшего поколения, являющихся знатоками традиций. По их предложению избирают зайсана, вместе с которым решают вопросы охраны священных мест алтайцев в сельской и районной администрации.

Родовой «камень» маркирует родовую территорию, являясь ее частью. Подходящий камень высотой около 2–3 м мужчины-сородичи подбирают на «родной» земле — им может стать

скол от скалы или гранитная стела. Найденный камень не подвергают обработке, а, начертав дату собрания, родовую тамгу и родовое животное, водружают до начала собрания сёока. Рядом устанавливают коновязь, имеющую сакральное и практическое назначение. Приехавшие привязывают к ней лошадей, но большинство приезжает на автомобилях. В мифологической трактовке родовая коновязь выражает приглашение покровителя сёока на праздник. По собранным сведениям, таковым у кыпчаков является Бай Ульгень, у тодошей — Каршыт, у чапты — Чапты каан, у тёлёсов — Бокты каан [ПМА]. В долине р. Каракол, на месте проведения праздника сёока тодош, стоят четыре коновязи, расположенные полукругом, а в центре родовой «камень». В той же долине, на месте проведения праздника сёока майман, — каменная стела, коновязь, березка с ритуальными лентами *кыйра*, а рядом сложенная каменная насыпь *обоо*, служащая жертвенником [Тадина, Ябыштаев, 2017, с. 135].

Родовой «камень» ставят в случае проведения праздника сёока на родовой территории. Если сёок-род собирается на территории проживания большинства его представителей, то тогда устанавливают лишь коновязь. Этот вывод подтверждают собрания сёока тонжаан (июнь 2011 г., с. Беш-Озёк Шебалинского р-на) и сёока чапты (июнь 2012 г., с. М. Яломан Онгудайского р-на) [ПМА]. Их родовая территория находится в низовье р. Катунь: у сёока тонжаан в Чемальском р-не, у сёока чапты родовая гора Чептоган (Чаптыкаан) на стыке двух районов — Майминского и Чойского. Здесь большинство населения составляют русские, а алтайцев малая доля, в силу чего родовые мероприятия проводят в других районах, где расположены моноэтнические села алтайцев.

Стела как памятный знак родовым лидерам прошлого

Традиция установки родовых каменных стел продолжена в этнокультурной практике теленгитов Улаганского и Кош-Агачского р-нов. К родовым лидерам прошлого относятся родоначальники, знаменитые воспетыми в преданиях подвигами. Одним из факторов появления памятных знаков явилась межпоколенная передача сведений о местах формирования и расселения сёоков-родов.

Сёок тёлёс, многочисленный и встречаемый почти во всех районах Республики Алтай, сформировался в Улаганском р-не, а именно в окрестности Телецкого озера. Неслучайно русские переселенцы называли озеро Телецким, в значении «озеро тёлёсов». Регион формирования тёлёсов не ограничивался прителецкой тайгой, а охватывал прилегающую тайгу Абакан, простирающуюся до р. Енисей в Хакасии. Родственный сёок кёбёк расселен в Чуйской степи (Кош-Агачский р-н). У сёоков тёлёс и кёбёк общий предок Ярынак/Еренек (*Ярынак*), живший в XVIII в. Как повествуют предания, в его времена прекратились нападения соседей — тувинцев, названных алтайцами *сойон*, казахов, прозванных *кыргын*, и монголов — *могол*.

В июне 2013 г. по инициативе зайсана тёлёсов Акай Кине и при поддержке Улаганского районного отдела культуры был установлен памятник теленгитскому родоначальнику Ярынаку у слияния рек Чулышман и Башкаус, на месте, называемом *Ала Кайын* (Пестрая береза) [Тадина, Ябыштаев, 2016, с. 119]. Любой памятник, поставленный в честь исторической личности в виде антропоморфной каменной стелы, называется *кезер таш* (каменный богатырь). Такое название образовано от монгольского слова *гэсэр*, что означает «богатырь» [Кыдыева, 2017, с. 269].

После вхождения алтай-кижи в состав России (1756 г.) теленгиты на столетие оставались в положении двоеданцев, выплачивая дань Российской и Цинской империям. По Чугучакскому договору (1864 г.) российско-китайская граница стала проходить на юге Горного Алтая — по водоразделам рек Чуи, Аргута, Башкауса и Катунь. На территории расселения теленгитов были образованы волости: I Чуйская волость зайсана сёока кёбёк (совр. Кош-Агачский р-н), II Чуйская волость зайсана тёлёсов (совр. Улаганский р-н).

В преддверии 150-летия Чугучакского договора и вхождения теленгитов в состав России в июле 2014 г. в с. Кокоря Кош-Агачского р-на был поставлен памятник и названа улица в честь зайсана сёока ак кёбёк Очурдяпа Мандаева (1846–1887 гг.) (рис. 1). Инициаторами были мужчины, имеющие семью и являющиеся потомками зайсана Очурдяпа. При его зайсанстве решались историческая судьба теленгитов, сохранение их исконной территории проживания и острые проблемы землеустройства. Роль зайсана Очурдяпа была важна в налаживании торговых связей купеческого г. Бийска и с. Кош-Агач, ставшего торговым центром в пограничном регионе. В годы его зайсанства казахи, переселившиеся из Прииртышья и пограничных районов Китая, получили разрешение поселиться на левом берегу р. Чуи. Стела в честь зайсана I Чуйской волости названа *кёжө таш* в значении «памятный пограничный камень-знак». Теленгитские памятники посвящены родовым лидерам и традиционно названы *таш*, в смысле «камень-символ».

Рис. 1. Открытие памятника родовитому зайсану Очурдяпу Мандаеву. Кош-Агачский р-н, июль 2014 г. [АЛТАЙ СӨӨКТӨР].

Fig. 1. Opening of the monument to the noble zaisan Ochurdyap Mandayev. Kosh-Agach district, July 2014 [ALTAY SYOKTYOR].

Родовые «камни» как символ родства по сёоку

Принадлежность к сёоку передается по линии отца, и это патрилинейное родство ведет к соблюдению обычая экзогамии, согласно которому браки не заключаются внутри сёока и между родственными сёоками, называемыми *карындаш* (досл. «единоутробный»). На родовых собраниях встречаются, знакомятся, уточняют родовые генеалогии. В них участвуют не только представители сёока-организатора, но и родственники по материнской линии, те, у кого матери из этого сёока. Приветствуется участие сватовских и родственных родов. Малочисленные роды не проводят своих собраний, а участвуют в мероприятиях крупного сёока-карындаш. На встречу могут прийти сёоки, образующие единую родовую группу: к тодошам — сёоки очы, чапты, байлагас, каал, к кыпчакам — сёоки мундус и кергил.

Родовые «камни» выступают символами родства по сёоку. На первом собрании сёока водружают каменную стелу с начертанной датой события, названием сёока и родовой тамгой, иногда родовым животным. Так, на родовом камне сёока тёлёлс — марал. Обычно изображают тамгу, которая не только знак собственности, но и оберег [Ябыштаев, 2013, с. 115]. Неслучайно родовый камень называют *тан-малу таш*, в смысле «камень с тамгой (или меткой)» или *сёбктин-тажы* (камень сёока). Обычно родовый камень определяют по высеченной тамге: *маймандардын-тажы* (камень майманов), *тодоштордын-тажы* (камень тодошей) и др. Возрождая родовые традиции в постсоветский период, на установленной каменной стеле стали писать название сёока, так как не все алтайцы знают, чья тамга: сведения об этом были частично утрачены в советский период [ПМА].

Кыпчаки входят в число пяти многочисленных сёоков — кыпчак, тёлёлс, тодош, майман и ирkit, составляющих этническую основу алтайцев. Летом 2000 г. на пути между селами Усть-Кан и Ябаган Усть-Канского р-на было установлено каменное изваяние, напоминающее древнетюркское антропоморфное изваяние из природного камня. Это «камень» в честь богатыря по имени Ирбизек из сёока кыпчак, жившего в XVIII в. (рис. 2). У «камня Ирбизека» есть другое название — *кыпчактардын-тажы* — «камень кыпчаков».

Представители рода кыпчак проживают компактно, составляя две группы. Одна из них — у теленгитов долины р. Чуи в селах Кокоря, Ортолык и Белтир Кош-Агачского р-на. Вторая — у алтай-кижи долин рек Урсул, Каракол и Короты Онгудайского р-на, далее бассейна рек Ябаган, Чарыш, Кан, Кырлык Усть-Канского р-на, долины р. Песчаной Шебалинского р-на и Уймонской степи Усть-Коксинского р-на [ПМА].

По материалам В.Я. Кыдыевой, кыпчаки у алтайцев восходят к одному предку. Кыпчаки, ушедшие в Монголию, составляют *Эзен уйазы* (потомки Эзена). Один из братьев, вернувшийся в центральный Алтай, поселился в долине р. Чарыш (Усть-Канский р-н). От него ведут свое происхождение *Шалја уйазы* (потомки Шалдя). Кыпчаки с. Ело Онгудайского р-на и с. Корумду Усть-Коксинского р-на восходят к одной патронимии *Кёёрчөк уйазы* (потомки Коорчока). Другой брат поселился в долине Ябагана [Кыдыева, 2008b, с. 23–24]. Им была основана родословная подразделения *котон* кыпчак, к которому относится богатырь Ирбизек. Известно, что его отцом был Чийне (Чейне) — сын Калаша. Прямые потомки Ирбизека по фамилии Сельбиковы и Саймины, а также побочные Какпаковы и Ябыштаевы восходят к единому предку Чейне, жившему по р. Ябаган в логу Шиберти [Ябыштаев, 2017].

«Камень» Ирбизека представляет символ не только кыпчаков, но и тех, у кого мать из рода кыпчак. В родословной женская линия, т.е. из какого рода жена или мать, как правило, не обозначается. По обычаю авункулата родственники по материнской линии называются *таай*. Кроме того, «Камень» Ирбизека маркирует родовую территорию подразделения «котон» кыпчаков, а именно Ябоганскую долину Усть-Канского р-на. Развитие получила новая традиция останавливаться у «камня» кыпчаков во время сватовских и свадебных поездок родственникам жениха из рода кыпчак. В октябре 2011 г. во время поездки *белкенчек* был проведен ритуал почитания Алтая и испрашивания благополучия новобрачным у изваяния, олицетворяющего богатыря Ирбизека (рис. 2).

Рис. 2. Ритуал в честь новой семьи кыпчаков у стелы Ирбизека. Усть-Канский р-н, октябрь 2011 г.
Фото автора.

Fig. 2. The ritual of honoring a new Kypchak family at the stele of Irbizek. Ust-Kansky district, October 2011.
Photo by the author.

Стела и памятник основателям Республики Алтай

В г. Горно-Алтайске, столице Республики Алтай, названа улица (1995 г.) и открыт памятник (2001 г.) в честь Григория Ивановича Чорос-Гуркина (1870–1937) — основателя идеи об алтайской государственности, национального героя и художника [Тадина, 2018]. Он родился в с. Улала, ныне г. Горно-Алтайск, и был представителем сёока-рода чорос. Его дед Гурке из бачатских телеутов, переселившихся в начале XIX века из Кузнецкого округа, ныне Кемеровской области [Эдоков, 1994, с. 6].

В первые годы советской власти шел поиск путей самоопределения. Г.И. Чорос-Гуркин был вдохновителем создания республики Ойрот, которая мыслилась в пределах Саяно-Алтая, Урянхая, Монгольского Алтая — на территории прежней Джунгарии. Само понятие «ойрот» воспринимается алтайцами как этнополитический термин, связанный с историческим прошлым. Как отмечал А.М. Сагалаев, слово «ойрот» прочно ассоциируется с идеей национальной независимости: «ойротская идея, перенесенная из области мировоззрения в сферу политики — от «Ойротского ханства» до «Советской власти» [Сагалаев, 1997, с. 66–67]. В то время понятие

От родовых «камней» алтайцев до памятных знаков Республики Алтай

«алтайский народ» означало тюркоязычное население Горного Алтая, Саян и Кузбасса — предки северных и южных алтайцев, телеутов, шорцев, хакасов: «...все они “кижи”. Когда-то составляли все вместе великий народ “ойрат”» [Сушко, 2008, с. 143].

Единомышленники, среди которых были представители названных народов, учредили Алтайскую Горную Думу (июля 1917 — февраль 1918 г.), затем ее сменила Каракорум-Алтайская окружная управа (февраль 1918 — апрель 1920 г.). Идея о национальной автономии в форме республики Ойрот оказалась неосуществимой, ее организаторы были репрессированы, и Г.И. Чорос-Гуркин расстрелян в 1937 г. — лишь в постсоветский период, в начале 1990-х гг., он был реабилитирован.

Советской властью была образована автономная область, а чтобы как-то удовлетворить политические запросы алтайцев, область назвали Ойротской, а центр Улала — Ойрот-тура. Так в 1922 г. осуществилась попытка этнополитического устройства, выраженная в создании Ойротской автономной области. Затем, в 1948 г., она была переименована в Горно-Алтайскую автономную область, а единственный город Ойрот-тура — в Горно-Алтайск. Коренной народ Горного Алтая стали называть не ойратами, а алтайцами. В первоначальном названии области «Ойротия» была заложена национальная идея, которая в постсоветский период выразилась в форме Республики Алтай, образованной в 1991 г.

В честь основателя и первого главы Республики Алтай Валерия Ивановича Чаптынова названа улица г. Горно-Алтайска (2001 г.) и установлена памятная стела с барельефом (2015 г.). Памятный знак известной личности алтайцев неслучайно поставлен в виде стелы (рис. 3). Автором проекта является заслуженный художник России В.П. Чукуев, участвовавший в возобновлении установки каменных стел-памятников в честь 60-летия победы в Великой Отечественной войне в с. Бичикту-Боом Онгудайского р-на [Кыдыева, 2008а, с. 87].

Рис. 3. Памятный знак основателю Республики Алтай в г. Горно-Алтайске. Фото автора.

Fig. 3. The memorial sign to the founder of the Altai Republic in Gorno-Altaiisk. Photo by the author.

В.И. Чаптынов родился в 1945 г. в с. Апшухта Шебалинского р-на. По собранным сведениям, он относился к сёоку кергил. Этот род сформировался в среднем течении р. Катунь и распространился в районах расселения алтай-кижи. В послевоенное время села Апшухта и Каспа являлись родовым местом сосредоточения сёока кергил. Здесь фамилия обычно образуется от названия сёока, к которому принадлежит ее носитель. Первый глава республики носил фамилию матери, которая была из сёока чапты, также распространенного в этих местах.

Алтайцы помнят основателя Республики Алтай В.И. Чаптынова как представителя сёока кергил, рожденного от матери сёока чапты. Его деятельность развернулась в постсоветский

период, когда актуализировались маркеры родовой идентичности. Немногие алтайцы склонны считать этническое возрождение его заслугой, но становление автономии региона в форме Республики Алтай, в которой алтайцы — титульный этнос, является итогом общественно-политической деятельности В.И. Чаптынова, в память о котором установлена стела у Центрального парка, напротив административного здания регионального правительства.

Заключение

В данной статье освещена связь традиции установки родовых «камней» у алтай-кижи, продолженной в практике водружения стел в честь родовых лидеров прошлого у теленгитов, и памятников и барельефов основателям Республики Алтай. Эта связь прослеживается в многоуровневой идентификации алтайцев — родовой, территориальной, этнической. Во внутриэтнической жизни актуализируется родовое сознание посредством установки родовых «камней» у алтай-кижи и памятных стел у теленгитов. Инициаторами возрождения и образования новых традиций являются представители старшего поколения как носители памяти о старине, зайсаны, избранные из числа семейных мужчин, и Совет зайсанат, решающий вопросы не только с сельской и районной администрацией, но и со структурами региональной власти (например, по охране священных мест алтайцев). Важность территориальной идентификации выражается в маркировке родовой территории или мест проживания большинства представителей сёока, где прошло родовое собрание, обычно у родовой почитаемой горы. Этнический уровень идентификации отражен в памятниках лидерам-алтайцам: хотя на памятнике основателю республики не указан его сёок — кергил, но фамилия Чаптынов происходит от названия сёока его матери — чапты. О сёоке основателя идеи создания республики в Южной Сибири говорит псевдоним, ставший дополнением фамилии, — Чорос-Гуркин. Памятные знаки, открытые в г. Горно-Алтайске, выражают признание вклада алтайцев в этнополитическое устройство региона — от автономной Ойротской области до Республики Алтай.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

ПМА, 1987–2017 гг., Республика Алтай.

АЛТАЙ СӨӨКТӨР: Запись от 14.06.2014 на стене сообщества // ВКонтакте. Режим доступа: https://vk.com/wall-7525637_11988.

Литература

Анохин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев // СМАЭ. Л.: Изд-во РАН, 1924. 148 с.

Бабич И.Л. Основные тенденции постсоветской этнокультурной политики в Республике Алтай. М.: УОП ИЗА РАН, 2002. 18 с.

Кыдыева В. Я. Институт зайсанства у алтайцев // Алтай — Россия: Через века в будущее: Материалы всерос. науч.-практ. конф. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2006. Т. I. С. 113–116.

Кыдыева В.Я. Древняя традиция в новых условиях // Анохинские чтения. Горно-Алтайск: Национальный музей Республики Алтай, 2008а. С. 85–87.

Кыдыева В.Я. Поземельные отношения в Горном Алтае в XX веке. Горно-Алтайск: Изд-во А. Орехов, 2008b. 135 с.

Кыдыева В.Я. Древние и современные каменные стелы Горного Алтая // 1-я Международ. науч. конф. «Традиционная культура тюркских народов в изменяющемся мире». Казань: Ак Буре, 2017. С. 268–270.

Октябрьская И.В. Тюрки Алтая: Проблемы межнационального сообщества // Народы Сибири: Права и возможности. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. С. 48–60.

Потапов Л.П. Культ гор на Алтае // СЭ. 1946. № 2. С. 145–160.

Сагалаев А.М. Алтайцы: Старая религия и «новая» идеология // Народы Сибири: Права и возможности. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. С. 61–71.

Самушкина Е.В. Символизация родового движения республики Алтай (конец XX — начало XXI века) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. Т. XII. Ч. II. С. 160–164.

Сушко А.В. Роль В.И. Анучина в развитии алтайского национализма в 1918 г. // Известия АлтГУ. Сер.: История. Политология. 2008. № 4/1. С. 142–145.

Тадина Н.А. Возрождение зайсаната в Республике Алтай: Взгляд сквозь собственную этническую идентичность // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 3. С. 77–81.

Тадина Н.А. Шуточные присказки как маркер сёока-рода в традиции общения алтайцев // Традиционная культура. 2013. № 2. С. 47–56.

От родовых «камней» алтайцев до памятных знаков Республики Алтай

Тадина Н.А. Памятник Г.И. Чорос-Гуркину как символ потестарной идеи «Ойрот» // Полевые исследования на Алтае, в Прииртышье и Верхнем Приобье: (Археология, этнография, устная история). 2017 год: Материалы XIII межд. науч.-практ. конф. Горно-Алтайск: БИЦ ГАГУ, 2018. Вып. 13. С. 294–297.

Тадина Н.А., Ябыштаев Т.С. Теленгитские памятники этнокультурному ренессансу // Вестник ТГУ. 2016. № 5. С. 109–113.

Тадина Н.А., Ябыштаев Т.С. О родовых «камнях» алтайцев // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае в 2016 году: Археология, этнография, устная история: Материалы XII Международ. науч.-практ. конф. Омск: Издатель-Полиграфист, 2017. Вып. 12. С. 133–136.

Токарев С.А. Пережитки родового культа у алтайцев // Труды ИЭ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. Т. 1. С. 139–158.

Тюхтенева С.П. Обычное право алтайцев: есть ли будущее у института зайсанства? // Обычное право и правовой плюрализм: (Материалы XI Международ. конгр. по обычному праву). М.: ИЭА РАН, 1999. С. 82.

Швецов С.П. Горный Алтай и его население. Т. I: Кочевники Бийского уезда. Вып. 1. Барнаул: Типо-лит. Гл. упр. Алт. окр., 1900. 561 с.

Эдоков В.И. Возвращение мастера. Горно-Алтайск: Фонд им. С.С. Суразакова: Изд-во «Чаптыган», 1994. 240 с.

Ябыштаев Т.С. Родовые праздники алтайцев в этнокультурном дискурсе Республики Алтай // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 1 (20). С. 112–117.

Ябыштаев Т.С. «Камень» Ирбизека как символ рода кыпчак у алтайцев // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай): Материалы междунар. науч.-практ. конф. Горно-Алтайск: БИЦ ГАГУ, 2017. С. 417–420.

N.A. Tadina

Gorno-Altai State University
Lenkina st., 1, Gorno-Altai, 649000, Russian Federation
E-mail: ntadina@yandex.ru

FROM THE TRIBAL «STONES» OF ALTAI PEOPLE TO THE MEMORABLE SIGNS OF THE ALTAI REPUBLIC

This article is written on the basis of fieldwork materials collected by the ethnographic methods of observation and conversation with informants from the southern Altai-Telengits and Altai-kizhi population groups. The aim of the research was to reveal a connection between the new tradition of installing generic «stones» typical for the Altai-kizhi, continued in the practice of hoisting stelae in honour of the tribal leaders of the past in the Telengits, and embodied in the creation of monuments and bas-reliefs dedicated to the memory of the Altai Republic founders. This relationship is shown to be determined by the multi-level identification of the Altai characterized by tribal, territorial and ethnic specifics. Under the conditions, when Altai people have to co-exist with Russians who currently represent the population majority, the installation of tribal «stones» and memorable stelae seems to be important for maintaining the Altai cultural continuity. The revival of old traditions and the creation of new ones is initiated by the older generation as memory bearers of the past. Among them are zaisans elected from family men and the Zaisanat Council, whose function is to deal with the village and regional administration, as well as with regional authorities on various issues, such as the protection of the Altai sacred places. The territorial identification is carried out by marking the area (frequently the roundabouts of sacred mountains), where the majority of the seek reside and where the family meetings take place. Using the examples of monuments that have been erected to the memory of G.I. Gurkin and V.I. Chaptynov in Gorno-Altai, this article investigates the transformation of the role of the leader among the Altai. These people are famous for realizing the idea of creating the Altai Republic. These monuments reflect the ethnic level of the Altai identification, because they are meant to recognize the contribution of Altai people into the ethno-political development of the Region — from the autonomous Oйrot region to the Altai Republic.

Key words: Altaians, republic, syok-tribe, zaisanat, ancestral stone signs, patrimonial consciousness, image, levels of identification.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-42-3-142-150

REFERENCES

Anokhin A.V. (1924). Materials on Shamanism with the Altaians. *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii*, Leningrad: Izd-vo RAN, 148 p.

Babich I.L. (2002). *The main trends of post-Soviet ethno-cultural policy in the Republic of Altai*, Moscow: UOP IEA RAN, 18 p.

Edokov V.I. (1994). *The return of the master*, Gorno-Altai: Fond im. S.S. Surazakova: Izd-vo «Chaptygan», 240 p.

- Kydyeva V.Ya. (2006). Institute of Zaysanat of the Altaians. *Altai — Rossiia: Cherez veka v budushchee: Materialy vseros. nauch.-prakt. konf., I*, Gorno-Altaiisk: RIO GAGU, 113–116.
- Kydyeva V.Ya. (2008a). Ancient Tradition in the New Conditions. *Anokhinskii chteniia*, Gorno-Altaiisk: Natsional'nyi muzei Respubliki Altai, 85–87.
- Kydyeva V.Ya. (2008b). *Land relations in the Altai Mountains in the XX century*, Gorno-Altaiisk: Izd-vo A. Orekhov, 135 p.
- Kydyeva V.Ya. (2017). Ancient and modern stone steles of Altai. *1-ia Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia «Traditsionnaia kul'tura tiurkskikh narodov v izmeniaiushchemsia mire»*, Kazan: Ak Bure, 268–270.
- Oktiabr'skaia I.V. (1997). Türks of Altai: Problems of the international community. *Narody Sibiri: Prava i vozmozhnosti*, Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 48–60.
- Potapov L.P. (1946). The cult of mountains in the Altai. *Sovetskaia etnografiia*, (2), 145–160.
- Sagalaev A.M. (1997). Altaians: The old religion and the «new» ideology. *Narody Sibiri: Prava i vozmozhnosti*, Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 61–71.
- Samushkina E.V. (2006). Symbolization of the tribal movement of the Altai Republic (late XX — early XXI century). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii, XII* (II), Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 160–164.
- Shvetsov S.P. (1900). *Mountain Altai and its population. Vol. I: Kochevniki Biiskogo uezda*, Barnaul: Tipo-lit. Gl. upr. Alt. okr., 561 p.
- Sushko A.V. (2008). The role of V.I. Anuchin in the development of Altaic nationalism in 1918. *Izvestiia Altaiiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorii. Politologiya*, (4/1), 142–145.
- Tadina N.A. (2009). The revival of the zissanate in the Altai Republic: a look through its own ethnic identity. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, (3), 77–81.
- Tadina N.A. (2013). Humorous sayings as a marker of shok-tribe in the communication tradition of Altaians. *Traditsionnaia kul'tura*, (2), 47–56.
- Tadina N.A. (2018). Monument to G.I. Choros-Gurkin as a symbol of the potesteria idea of «Oirot». *Polevye issledovaniya na Altae, v Priirtysh'e i Verkhnem Priob'e: (Arheologiya, etnografiya, ustnaya istoriya). 2017 god: Materialy XIII mezhdunar. nauch.-prakt. konf.*, (13), Gorno-Altaiisk: BITs GAGU, 294–297.
- Tadina N.A., Yabyshtaev T.S. (2016). Telengit monuments to ethnocultural renaissance. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, (5), 109–113.
- Tadina N.A., Yabyshtaev T.S. (2017). About the tribal «stones» of the Altaians. *Polevye issledovaniia v Priirtysh'e, Verkhnem Priob'e i na Altae v 2016 godu: Arkheologiya, etnografiia, ustnaia istoriia: Materialy XII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.*, (12), Omsk: Izdatel'-Poligrafist, 133–136.
- Tokarev S.A. (1947). Remnants of the tribal cult of the Altaians. *Trudy Instituta etnografii*, 1, Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 139–158.
- Tiukhteneva S.P. (1999). The common law of the Altaians: is there a future in the institution of zaisanstva? *Obychnoe pravo i pravovoi pliuralizm: (Materialy XI Mezhdunar. kongressa po obychnomu pravu)*, Moscow: IEA RAN, p. 82.
- Yabyshtaev T.S. (2013). Tribal holidays of the Altaians in the ethno-cultural discourse of the Altai Republic. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, (1 (20)), 112–117.
- Yabyshtaev T.S. (2017). «Stone» of Irbisek as a symbol of the Kypchak tribewith the Altaians. *Istorii i kul'tura narodov Iugo-Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh regionov (Kazakhstan, Mongoliia, Kitai): Materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf.*, Gorno-Altaiisk: BITs GAGU, 417–420.